

УДК 9

DOI 10.21661/r-114479

*А.А. Ашихмин***ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ТМУТАРАКАНИ И ВОСТОЧНОГО КРЫМА**

***Аннотация:** данная статья посвящена актуальной проблеме западных границ Тмутараканской земли (и шире – политическом статусе областей Восточного Крыма). В последнее время она стала важной в виду возросшей опасности идеологического вмешательства в исследовательский процесс. Автором рассмотрены основные аспекты данной темы. Отмечено, что если следовать строгому подходу к источникам, то у нас нет доказательств присутствия русской власти в Крыму. Тем не менее, возможно определенное политическое влияние Тмутаракани.*

***Ключевые слова:** Тмутаракань, Восточный Крым, Сугдея, Боспор, тмутараканские монеты, печати Олега-Михаила.*

*А.А. Ashikhmin***RELATIONS BETWEEN THE TMUTARAKAN' AND THE EAST CRIMEA**

***Abstract:** the article is devoted to the actual problem of the west frontiers of the Tmutarakan' land (and more widely to the political status of the East Crimea). Lately the subject has been important because of a danger of ideological influence on research. In conclusion it is marked that with a strict approach to the sources we have no evidences of presence of Russian power in Crimea. Nevertheless, certain influence of the Tmutarakan' was possible.*

***Keywords:** Tmutarakan', East Crimea, Sougdaia, Bospor, tmutarakan' coins, seals of Oleg-Michael.*

Статья подготовлена в рамках выполнения работ по проекту СПбГУ «Россия – Новороссия – Крым: Исторические закономерности единства» шифр в ИАС НИД СПбГУ 5.38.265.2015.

История Северного Причерноморья привлекала внимание российских исследователей древностей еще с XVIII в. Обнаружение здесь античных памятников подстегнуло интерес к этому региону [20]. Впоследствии он стал предметом исследования ученых с точки зрения отечественной истории. Важной вехой здесь стало обнаружение Тмутараканского камня. И уже тогда были высказаны мысли об идеологической ангажированности этой находки, что отчасти подкрепляло сомнения в подлинности камня [13, с. 132–139].

Самым ярким представителем подобных настроений можно назвать П. П. Свинына. Он отмечал, что обнаружение Тмутараканского камня очень хорошо вписывалось в направление действий российской власти конца XVIII в. Им необходимо было идеологическое обоснование. Обнаружение на Тамани камня с кириллической надписью о князе, измерившем пролив, оправдывало претензии российской власти на эти земли [17, с. 440–467].

В настоящее время вновь возросла опасность влияния идеологии на исследовательский процесс, хотя увеличились и возможности для изучения этого региона. Примером может случить статья Д.М. Володихина, предоставляющая аргументы для «исторических прав» на Крым в будущих идеологических баталиях [5].

Автор относительно взвешенно рассматривает предполагаемые свидетельства принадлежности Восточного Крыма к Тмутаракани. Но при этом его тезисы, сопровождающие обзор, безосновательны, точнее – основаны на очень больших допущениях. Конечные же выводы и вовсе не имеют никакого подтверждения в источниках и отражают лишь представления автора по данной теме (никак не аргументированные) [5, с. 202].

История Тмутаракани XI в. тесно соприкасается с историей Восточного Крыма. Главной проблемой, которую пытаются решить исследователи, являются границы владений Тмутаракани: на какие территории распространялась власть ее правителей, и входил ли западный берег Керченского пролива (и другие земли) в их число.

Соответственно можно разделить исследователей на две группы: тех, кто утверждает, что Восточный Крым входил во владения Тмутаракани (например, В.А. Захаров, В.В. Майко, В.П. Степаненко) [8; 13; 20], и тех, кто полагает обратное (например, Н.Ф. Котляр, В.Н. Чхаидзе) [9; 24].

Статус сопредельных территорий Тмутаракани интересен не только в связи с ее историей, но также в более широком контексте, так как в течение XI в. основным игроком здесь была Византия. Проблема перехода территорий Северного Причерноморья от империи и обратно к ней также интересует исследователей [16, с. 165–188]. В этом плане Тмутаракань была важным политическим центром, интересующим Византию и пытающимся обрести самостоятельный вес. Поэтому иногда вопрос ставился о причастности какой-либо территории либо Тмутаракани, либо Византии. А для 80–90-х годов XI в. уже о принадлежности самой Тмутаракани к Византии.

Стоит отметить, что свидетельства письменных источников, отражающих положение на берегах Керченского пролива, весьма скудны. Для рассматриваемого периода к ним относят лишь сообщения из Повести временных лет о Ростиславе Владимировиче, не менее туманную историю подавления восстания Георгия Цулы в хронике Иоанна Скилицы. Лучше ситуация с археологическими материалами. Здесь исследователи могут оперировать нумизматическими, сфрагматическими и другими данными, полученными прежде всего в результате раскопок.

Хронологически более раннее известие о присутствии русских властей в Крыму является известие в хронике Иоанна Скилицы о восстании Георгия Цулы. В частности, в сообщении говорится о брате Владимира Святославича Сфенге, пришедшем на помощь императору в подавлении восстания [19, с. 368]. Персонафикация этого Сфенга не представляется возможной. Но известие хрониста позволяет некоторым исследователям говорить принадлежности Корчева к Тмутаракани уже в начале XI в [5, с. 199]. Хотя, например, А.В. Гадло не призвал наличие интересов у Мстислава в Крыму [6, с. 253–254]. Однако глухая отсылка

Скилицы к родственнику предводителя русов перекрывает возможный потенциал источника для изучаемой проблемы.

Красной нитью в обсуждениях о границах владений Тмутаракани в Крыму проходит сюжет о крымской Хазарии, своеобразном осколке Хазарского каганата [2, с. 440]. Основным вопросом, обсуждающимся исследователями, является ее локализация. На данный момент представляется наиболее обоснованной точка зрения В.П. Степаненко, который помещает Хазарию в северо-восточном Крыму [19, с. 368–378; 20, с. 50–62]. Хотя в современной историографии представлены и альтернативы [15, с. 338–342].

Подобная локализация позволяет также говорить о возможном распространении власти тмутараканского князя Олега Святославича на территории Восточного Крыма. Известны его печати, в которых он назван в числе прочего архонтом «всей Хазарии» [27, с. 26–29]. Таким образом, Олег мог управлять землями в Восточном Крыму на правах имперского наместника [20, с. 56]. Хотя данное доказательство является лишь косвенным

Свидетельством принадлежности восточно-крымских территорий Тмутаракани также считается сообщение Повести временных лет о том, что Ростислав Владимирович «емлющую дань с касог и у инех стран» [17, с. 72]. Хотя, туманность формулировки не дает убедительности этому аргументу.

Более интересным для исследователей является рассказ о действиях прибывшего из Херсона катепана [17, с. 71]. Красочное описание и захватывающий сюжет привлекали внимание и оставляли широкое поле для всевозможных интерпретаций [6, с. 264–276]. Хотя данный сюжет и не подвергался еще деконструкции, общее недоверие некоторых историков к содержанию летописи вызывает сомнения и в отношении этого эпизода [7].

Если перейти к вещественным источникам, то наиболее знаменитым является Тмутараканский камень. Надпись на нем гласит, что в 1068 г. князь Глеб Святославич измерил пролив между Тмутараканью и Корчевом. Расстояние составило 14 тыс. сажень. Долгая полемика о достоверности данного памятника в

целом утихла, хотя и не закончена [3, с. 7–12; 22, с. 277–287]. Также исследователи попытаются определить процедуру измерений [1]. Оригинальность самого мероприятия, а также скудность дополнительной информации мешает убедительно интерпретировать надпись.

Кроме того, неясна мотивация измерения. Многие авторы считают, что необходимость такого мероприятия и его вероятность уже говорит о том, что Корчев входил во владения Глеба. В противном случае у князя не было бы возможности и мотива [5, с. 198; 16, с. 185; 20, с. 54]. Однако, В.Н. Чхаидзе полагает, что имеющиеся данные не дают права говорить о этом. Можно лишь предположить, что измерение было символическим определением расстояния между Европой и Азией [26, с. 254–255]. Сложно согласиться с таким объяснением, так как подобная мотивировка выглядит натянутой. Вряд ли молодого князя интересовали подобные вопросы и представления о Керченском проливе, как границе между континентами.

Более веским доказательством против включенности Восточного Крыма в состав земель Тмутаракани является строительная надпись Льва Алиата, страстига Херсона и Сугдеи, датированная 1059 г. [10, с. 15–19]. Надпись считается свидетельством усиления влияния Византии в Восточном Крыму. В. В. Майко реконструировал историю Сугдеи в XI в. следующим образом. Период номинальной зависимости на рубеже X–XI вв. был прерван восстанием Георгия Цулы, после подавления которого здесь была создана отдельная фема. В середине века она была объединена с фемой Херсона, что означало большую централизацию. Для времени до конца 80-х годов исследователь допускает политическое влияние Тмутаракани на Сугдею, которое прекращается с включением самой Тмутаракани в состав империи [12, с. 285; 13, с. 47].

Хотя при строгом следовании источникам вряд ли возможно уверенно причислить этот восточно-крымский центр к тмутараканским землям [24, с. 319], все же наличие археологических свидетельств древнерусского происхождения может быть косвенным свидетельством определенного влияния Тмутаракани на эту область.

О тесных связях между Крымом и Тмутараканью говорят сфрагистические и нумизматические данные. На территории Крыма были обнаружены два экземпляра печатей «От Ратибора» [27, с. 60–64], которые связывают с известным приближенным князя Всеволода Ярославича – боярином Ратибором. Из летописи известно, что в 1079–81 гг. он был посадником в Тмутаракани [17, с. 87]. Подобные печати, а также монеты и брактеаты имеют широкую топографию, ограниченную прежде всего пределами Руси. Печати Ратибора на полуострове – свидетельство тесных связей Крыма и Тмутаракани.

Кроме того, на территории Сугдеи и Боспора были найдены шесть печатей, соотносимых с Олегом-Михаилом Святославичем [12, с. 284–285]. Необычная легенда на их реверсе («Господи, помоги Михаилу, архонту Матрахи, Зихии и всей Хазарии») породила значительную историографию в ходе которой обсуждаются как наименование Михаила архонтом, так и обозначение его владений [20, с. 54–56; 23, с. 156–157]. На данный момент можно считать общепризнанным, что Олег находился в определенной зависимости от Византии после своего возвращения в 1083 г., а после его ухода Тмутаракань перешла под власть империи [11, с. 289; 20, с. 56].

Наконец, известны тмутараканские монеты, найденные в Крыму [4, с. 21–22, 96]. Относительно недавнее исследование К.В. Бабаева ввело их значительное количество в научный оборот. В основном это подражания византийским милиарисиям, которые выделены исследователем в три типа: монеты Олега-Михаила, боярина Ратибора, а также подражания милиарисиям Василия II и Константина VIII. Кроме того, ученый выделил три дополнительных типа [4, с. 22].

К.В. Бабаев утверждает, что монеты обнаружены в пределах предполагаемых границ княжества. В том числе, на восточной оконечности Крыма, что говорит о его включенности в княжение. Однако распространение монет в округе Тмутаракани может говорить лишь о торговой связи этого региона с городом [25, с. 201].

Таким образом, если исходить из скептических соображений, на данный момент мы не располагаем убедительными свидетельствами подчинения Восточного Крыма Тмутаракани. Об этом можно говорить лишь гипотетично в отношении Боспора-Корчева. Остальные территории в то или иное время либо были фактически независимыми, либо были включены в состав Византии.

Тем не менее, политическое влияние Тмутаракани все же возможно в определенные моменты. Во всяком случае они входили в единый компактный регион, составные части которого были тесно взаимосвязаны. Поэтому было бы удивительным отсутствие в Крыму находок, происходящих с Тамани. Хотя письменные свидетельства мало говорят о данном регионе, ясно, что Тмутаракань была тесно связана экономически с Крымом и особенно его восточной частью. А с конца XI в. они уже были вместе под властью Константинополя.

Список литературы

1. Аггеев Ф.М. Тьмутараканский камень // Маркшейдерский вестник. – 2013. – №1. – С. 64–69.
2. Артамонов М.И. История хазар. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. – 523 с.
3. Ашихмин А.А. Отечественная историография о проблеме Тмутараканского камня // Университетский историк. – Вып. 10. – 2012. – С. 5–12.
4. Бабаев К.В. Монеты Тмутараканского княжества. – М.: Древлехранилище, 2009. – 101 с.
5. Володихин Д.М. Русский период в истории Восточного Крыма // Проблемы национальной стратегии. – 2016. – №2. – С. 194–205.
6. Гадло А.В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та. – 462 с.
7. Данилевский И.Н. Повесть временных лет: герменевтические основы историковедения летописных текстов. – М.: Аспект-Пресс, 2004. – 382 с.
8. Захаров В.А. Заметки о Тмутараканском камне // Сборник Русского исторического общества. – Т. 4: От Тматороканя до Тамани, IX–XIX вв. – СПб., 2002. – С. 154–178.

9. Котляр Н.Ф. Тмутороканское княжество: реальность или историографический миф? // Древнейшие государства Восточной Европы. 2003: Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. – М., 2005. – С. 107–118.
10. Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. – СПб.: Имп. Рус. археол. о-во, 1896. – 143 с.
11. Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). – СПб.: Алетейя, 2000. – 413 с.
12. Майко В.В. Сугдея второй половины X–XI в. Между Тмутараканью и Византией // Античная древность и средние века. – Вып. 39. – 2009. – С. 272–288.
13. Майко В.В. Тмутаракань и Восточный Крым: Основные этапы этнокультурных связей // Ruthenica. – 2010. – Т. 9. – С. 37–48.
14. Майофис М.Л. Тмутараканский камень в культурном строительстве конца XVIII – начала XIX в. // Философский век. – Вып. 10. – СПб., 1999. – С. 132–139.
15. Могаричев Ю.М. К вопросу о «Хазарии» на Азиатском Боспоре в XI–XII вв. // Боспорский феномен: Греки и варвары на евразийском перекрестке. – СПб., 2013. – С. 338–342.
16. Науменко В.Е. Некоторые ключевые вопросы истории Таврики X–XI в.: Политико-административный аспект // Античная древность и Средние века. – Т. 40. – 2011. – С. 165–188.
17. Повесть временных лет / Под ред. В.Т. Адриановой-Перетс. – СПб.: Наука, 1996. – 667 с.
18. Свинын П.П. Обзорение путешествия издателя Отечественных записок по России относительно археологии // Отечественные записки. – 1826. – Ч. 25. – №71. – С. 440–467.
19. Степаненко В.П. Еще раз о локализации Хазарии в XI в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Вып. 19. – 2014. – С. 368–378.
20. Степаненко В.П. Тмутаракань и Византия в конце XI в. // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и Раннего Нового времени. – Вып. 12. – 2015. – С. 50–62.

21. Тункина Н.В. Российская наука о классических древностях юга России (XVIII – начало XIX в.). – СПб.: Наука, 2002. – 674 с.
22. Хоруженко О.И. Надписи Тмутараканского камня и вспомогательные исторические дисциплины // Вопросы эпиграфики. – Вып. 4. – 2010. – С. 277–287.
23. Чхаидзе В.Н. Тмутаракань (80-е гг. X в. – 90-е гг. XI в.). Очерки историографии // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. – Вып. 6. – 2006. – С. 139–174.
24. Чхаидзе В.Н. Тмутаракань и Восточный Крым в XI в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. – М., 2011. – С. 314–319.
25. Чхаидзе В.Н. Нумизматика Тмутаракани (по поводу книги К.В. Бабаева «Монеты Тмутараканского княжества») // Античная древность и средние века. – Вып. 42. – 2014. – С. 184–205.
26. Чхаидзе В.Н. Тмутаракань – владение Древнерусского государства в 80-е гг. X в. – 90-ые гг. XI в. // Сугдейский сб. – Вып. 5. – 2012. – С. 251–270.
27. Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв.: В 2 т. – Т. 1: Печати X – начала XIII в. – М., 1970. – 326 с.
-

Ашихмин Алексей Алексеевич – аспирант кафедры исторического регионоведения ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», Россия, Санкт-Петербург.

Ashikhmin Alexey Alexeevich – postgraduate student of the department of Regional Studies, Saint-Petersburg State University, Russia, Saint-Petersburg.
